

Ф. Дэльгер считает само собой разумеющимся, что поселившийся народ «взял на себя защиту сторожевой башни» (Афон, с. 249, прим. к стк. 10). Невозможно, однако, сказать, какая из групп поселенцев (в самой крепости или вне ее, или все вместе, или ни те, ни другие, а особый, подготовленный для этого разряд людей) будет выполнять воинскую повинность.

Важно отметить, что присельники вне крепости, получая землю, переводятся на денежный оброк. Рента деньгами ставила оброчников в особое положение: 1) «несвобода» бывших барщиннообязанных, если таковые имелись, смягчалась «до простого оброчного обязательства»⁹¹; 2) открывался наибольший простор для того, чтобы изыскать время для избыточного труда; 3) появлялась реальная возможность максимальной имущественной дифференциации по сравнению с тем временем, когда крестьяне обязаны барщиной или натуральным obroком; 4) присельники в наибольшей степени оказывались заинтересованными в хозяйствовании на новом месте.

Эпистолагафия показывает, что присельничество было формой перевода крестьянства на денежную ренту. Именно оброчников было гораздо легче удержать на новом месте (по сравнению с барщиннообязанными). Однако феодалы стремились использовать проскафименов и на барщине. В этом случае им приходилось сталкиваться с сопротивлением присельников, и поселение осуществлялось насильственным путем. В простагме Мануила II Палеолога от 25 мая 1405 г. (*Лавриот*, 162—163) для монастыря Лавры говорится о просьбе иеромонахов и монахов разрешить им удержать в метохах на о-ве Лемнос всех проскафименов для выполнения сельскохозяйственных работ⁹². Император удовлетворяет эту просьбу (*Лавриот*, 162.27—33; 163.1—4). Интересно, что вместе с тем Мануил II выполняет и другую просьбу монахов — считать тяглые монастырские упряжки⁹³ свободными и неразыскиваемыми в отношении налога. Кстати, это показывает, что податным объектом была не только монастырская земля, но и тяглый скот. К. В. Хвостова, утверждая, что к XIV в. подать приобрела сугубо поземельный характер⁹⁴, исходит из данных практиков XIV в., прежде всего Ивирского монастыря. Но если учесть, что он был иммунистом, становится понятным, почему казна считала его скот экзимирированным. Монастыри, не получившие такой податной экскуссии, были обязаны платить налоги за свой скот.

Барщиннообязанные проскафимены не только не слились с остальными париками Лавры св. Афанасия, но резко обособились. В Лаврском практике от января 1420 г., перечисляющем владения на Халкидики, встречаются разные группы париков — и свободные от обложения налогами (*Лавриот*, 168.3—4 прав. стб.), и парики-налогоплательщики (*Лавриот*, 168.19—22 лев. стб.). Последние, не выполняя барщины, обязаны монастырю денежной и продуктовой рентой такой величины: «монастырю же, с тех пор как они не производят ангарию, должны давать зевгилаты по 4 перпера, воидаты же по 3 перпера и вдовы по 1 перперу; еще должны давать монастырю десятину с зевгарей и подать на пчел» (*Лавриот*, 168.22—29 лев. стб.). Что же касается проскафименов, то даже через 13 с лишним лет после приселения (опись от января 1419 г.) они, называемые птохами париками и освобожденные от налогового обложения согласно простагме от 25 мая 1405 г., по-прежнему выполняют барщину (*Лавриот*, 165.17—20 прав. стб.) и помимо этого обязаны монастырю 41 перпером денежной ренты, раскладываемым на 29 семей (*Лавриот*, 165.9—11 прав. стб. и 165.16—45 лев. стб.; 1—2 прав. стб.), что в среднем дает 1,4 перпера на семью.

При переводе на денежный оброк имущественная дифференциация среди присельников развивалась в ярких формах. Рассмотрим это на материале описи монастыря Богородицы Спилеотиссы (ЛАС, 448—449). Здесь названы два метоха. В метохе св. Пантелеймона, описанном первым, жили только проскафимены, 17 «семей» (так назовем условно, хотя семей в подлинном смысле было только 11, ибо в шести стихах перечисляются